

А.Н.Савельев
СИМВОЛИЗМ ОГНЯ

Хотя с точки зрения реальности символ обманчив, однако психологически он – истина, ибо он всегда был мостом, ведущим к величайшим достижениям человеческого духа.

К.Г.Юнг¹

Огонь.

«Талисман Паскаля» - записка, найденная в келье ученого после его смерти.

Электронная версия.

Цена - 50 р.

Покупка у автора: savliy@gmail.com

Ознакомительный фрагмент

В электронной версии работа публикуется впервые. Она была написана в 1998 году и включена в книгу "Миф масс и магия вождей", переизданную в принципиально новой редакции под названием "Политическая мифология", куда данный текст включен не был.



Огонь – неслучайный символ. Открытие символа огня – сродни открытию самого огня в качестве полезного инструмента человеческой деятельности. Вероятно то и другое произошло одновременно, чем и обусловлено значение огня в качестве символа.

ОГОНЬ КАК МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ СИМВОЛ

Выдающийся русский философ А.Ф.Лосев пишет: «Символ есть выраженность, тождество внутреннего и внешнего, проявившееся внутреннее и рельефное, перспективное внешнее. Символ есть всегда *проявление*, проявленность. Что в чувственном мире есть начало явления, проявления, обнаружения, осмысления? Конечно, *свет*. Представим себе полную темноту. Это значит, что для нас угаснут все различия, все противоположения, все вещи. Как бы ни понимать свет физически, он всегда есть начало физического осмысления и проявления вещей. Это еще не полное осмысление и проявление, но это - во всяком случае *начало* его. И вот платонизм есть, прежде всего, *философия и мистика света*. Всякий символизм так или иначе связан с интуициями света. Самая диалектика, необходимо сопутствующая такому развитому символизму, есть не что иное, как перевод интуиций светотени в область чистой мысли, ибо определение через антитезис есть, прежде всего, *проведение границы* и очерчивание некоей фигуры, очевидно, чем-то непохожей на окружающий ее фон, т. е. разной по свету и цвет с этим окружением. <...> Идеи суть свет. Свет ума, а также и физический свет. Ум, созерцающий идеи, «световиден»ⁱⁱ.

Вместе с тем, всякий символизм, всякая мифология так или иначе затрагивает вопрос об **источнике света**¹.

Анализируя учение Аристотеля, Лосев, приводя слова великого грека, проясняет суть взаимоотношения света и огня: «Свет не есть ни огонь, ни вообще тело, ни истечение какого-нибудь тела, потому что в таком случае он был бы тело, но он есть **присутствие** огня или чего-нибудь подобного в **прозрачном**»ⁱⁱⁱ. То есть свет указывает лишь на присутствие огня в некоей прозрачной среде. А коль скоро сама диалектика немислима без интуиций светотени, немислимо в попытках понять, что есть бытие и что есть человек, обойтись без осмысления роли огня в окружающем мире, обществе, культуре.

В античной космологии имеется пять типов пространства, пять типов времени и пять типов телесности, соответствующих пяти понятиям: Огонь (перво-единое), Свет (ум, идея), Воздух (Душа, Дух), Земля (софийное тело), Вода (окачественность четвертого начала через первые три)^{iv}. Заметим, что Огонь здесь занимает особое место. И Лосев подчеркивает это в построении своей диалектики мифа: «Слой личностного бытия лежит решительно на каждой вещи, ибо каждая вещь есть не что иное, как вывороченная наизнанку личность, колеблющаяся между Первоогнем и Первосветом, с одной стороны, и Тьмой кромешной – с другой»^v.

Древние греки часто использовали огненные ритуалы. Причем пламя алтаря было связано с движением солнца вокруг него. Грек совершал "катархейн" - обход вокруг алтаря слева направо – по движению солнца вокруг храма, ориентированного на восток. Считалось, что дым от пламени, поднимаясь вверх, восходит к богам, и вместе с этим дымом к ним возносится жертва.

Огонь для древнего грека был связан с живым ощущением присутствия бога. В мистериях, как говорил Плутарх, древних радовали не изобилие вина и жаркого, но радостные надежды и вера в присутствие благосклонного бога.

Важно заметить, что огненная жертва приносилась греками только олимпийским богам – своего рода социальным образам, противостоящим богам хтоническим, ведающим силами природы. Последним полагались окропляющие жертвоприношения и различные возлияния (как дар Земле - в отличие от дара Небу вместе с дымом от алтаря).

Комментируя ландшафтные описания Пиандра, Хюбнер пишет: «Весь ландшафт выступает здесь изображением архе. Речь идет о титане Тифоне, которого Зевс сразил молниями и заточил в Этне. В извергающей огонь Этне видна неистовая ярость племенного чудовища. В этом ландшафте Сицилии не только живут нуминозные

¹ У Элиаде в «Мефистофеле и андрогине» подробно разбираются всевозможные случаи люминофании, но мы должны отложить их обсуждение, ибо символ огня из них исключен, тайна происхождения свет остается вне мифологических описаний чисто световых явлений.

существа, сам ландшафт - такое существо»^{vi}. Хтоническим богам огненная жертва не нужна, коль скоро они сами есть огонь.

Среди всех источников света именно огонь отличается своей очевидной социальной ролью, явным воплощением в физически ощущаемом явлении мистических идей, возможностью манипулировать этими идеями в той степени, в которой человеку дано манипулировать огнем.

Последнее утверждение образно иллюстрируется французским писателем Ж.Ранистаршим, попытавшемся увидеть огонь глазами доисторического человека («Борьба за огонь»): «Его могучее лицо обращало в бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда. Его красные зубы защищали человека от обширного страшного мира; все радости жили только около него. Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни; он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты... Огню, как и животным, нужна добыча: он питается ветками, сухими травами, птичьим пометом; он способен расти и порождать другие огни, но он может и умереть. Рост его беспределен, и в то же время его можно приостановить, каждая его часть в отдельности может жить самостоятельно. Он убывает, как только его лишают пищи: делается маленьким, как пчела, как муха, но может возродиться от одной былинки и стать обширным, как болото. Огонь - это животное, и в то же время он не похож ни на одно из них. У него нет ни ног, ни туловища, но он быстрее антилопы; у него нет крыльев, но он летает в облаках; нет пасти, но он дышит, ревет, рычит; у него нет ни рук, ни когтей, но он обладает всем миром... Огонь никому не отдает предпочтения и готов пожрать даже тех, кто его питает; он хитрее гиены и кровожаднее, чем пантера, но присутствие его - прекрасно: он смягчает жестокость холодных ночей, дает отдых усталым и делает людей сильными»^{vii}.

Карл Густав Юнг полагал, что в огне древние развивали идею магической силы («О психологии бессознательного»): «В Ветхом Завете магическая сила светится в пылающем терновом кусте и в лице Моисея; в Евангелиях она проявляется в излияниях Святого Духа в форме исходящих с неба огненных языков. У Гераклита она выступает как мировая энергия, как «вечно живущий огонь»; у персов она – огненный блеск «хаомы», божественной благодати; у стоиков она – первотеплота, сила судьбы. К средневековой легенде она выступает как аура, ореол святости, и в виде пламени вырывается из-под крыши шатра, где в экстазе лежит святой. Святые, галюцинируя, видят эту силу в качестве Солнца, полноты света»^{viii}.

Юнг отмечает, что в христианской мифологии есть элементы, близкие мифу об Агни. В сюжете с Навуходоносором, который посадил в пылающую печь трех детей, говорится: «вот я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен сыну Божию» (Дан 3, 24). Юнг пишет: «Агни есть жертвенный огонь, жертвующий и жертва, подобно Христу. Как Христос оставил в опьяняющем вине свою спасительную кровь в качестве напитка бессмертия, так Агни оставил сому, священный напиток воодушевления, мед бессмертия»^{ix}.

Единым для многих религиозных систем условием регрессии либидо к дополовой ступени объясняется, согласно Юнгу, тот факт, что их тело служит пищей и имеет значение в качестве причастия^x.

Повелевать огнем - удел богов и людей. Но люди властвуют над огнем лишь отчасти, быстро превращаясь из его хозяев в жертвы. Именно поэтому власть над огнем для людей связана с вмешательством и содействием богов. Ритуалы и символы, связанные с огнем, становятся способом погружения в особое состояние духа, инструментом индивидуальной и социальной мобилизации.

Индийские боги, облеченные в человеческую плоть как бы невзначай, демонстрируют свою неотмирность, являясь в огненном ореоле, подчеркивающим

неуязвимость их плотских фигур для пламени. По-видимому, эти боги должны были вселять мистический ужас, связанный с властью над огнем или с самим воплощением сущности огня. Огонь и божество были практически отождествлены.

Противоречивы описания способа рождения и облика таких богов. Ипостаси богов огня проявляются в других богах, в животных, в предметах. Своим происхождением и сущностью они отражают многоформенность мироздания, социума, внутреннего мира человека, своим участием в судьбах людей - поиск методов овладения явлениями природы и методов контроля над собственной психикой.

О месте огня среди прочих источников света Лосев пишет: «Огонь весел, неутомонен, неистощим. Он - всесилен, всеистребляющий и всепроникающий. Все в нем исчезает и ему покорно. В ласкающих объятиях и лобзаниях его - самопожирательный инстинкт бытия, желающего поглотить все и, поглотивши, уничтожить себя, поглотившего. Есть в огне истинно языческое, сатанинское ликование всезнающей и слепой судьбы. Есть радование о смерти и обманные надежды на просветление. Умный свет дан в виде коварного пламени, и сила его незримо таится, вдруг проявляясь с уже непреодолимой энергией. Огонь - вечное творчество и - вечная смерть, уничтожение; он - вечный и всегдашний синтез того и другого, напряженный, когда *есть иное*, материал, и меркнувший, когда нет ничего, кроме него. Огонь противоположен свету, умному свету, исходящему от звездного неба. Умный свет ровно и блаженно сияет в светильниках, которые суть видимые нам умные силы и умные воинства небесные; там он - прямое и абсолютное отражение светов первой тетрактиды. Физический, инобытийный свет, электричество - непостоянен, нервно-напряжен, неопределенен в своих действиях, капризен, коварен, своеволен, горд, беспощаден, гневен, истеричен, сияющ и великолепен. Таково *инобытие*»^{xi}.

В данном случае «умный свет» понимается как некая противоположность тому свету, в котором нет ни толики мрака. Последний - аналог «дурной бесконечности» без содержания и смысла. «Умный свет» воплощен в огне самой природой. Электрический свет, созданный человеком, можно было бы назвать злым светом. В нем не оказалось природной души, зато есть расчет, холодная логика. Огонь же заставляет отбрасывать логические истины и будит переживание скрытых смыслов бытия.



ОГОНЬ СВЯЩЕННЫЙ И КАРАЮЩИЙ

Огонь в древних пророчествах всегда играет огромную роль при выстраивании картины мира.

По авестийской традиции^{xii} выше богов огня и воды встал Ахура-Мазда (“Господь мудрости”). Но в пророчествах Зороастра им создаются шесть богов, соответствующих шести актам творения, которые сравнивались с возжиганием одного светильника от другого. Огонь как бы пронизывает все акты творения, а благодаря солнцу — управляет всем миропорядком.

В зороастризме Митра судит души умерших, измеряя на весах их добрые и злые мысли, слова и дела. Если перевешивает зло, то мост, ведущий в рай, становится узким как бритва и грешник падает с него в пламенеющий Ад. Здесь огонь выступает как орудие смерти и кары для грешников.

Согласно учению Зороастра, грядущее всеобщее воскресение людей будет связано с тем, что все они пройдут через реку раскаленного металла, которая для праведников будет как река парного молока, грешники же сгорят в этой реке и исчезнут навсегда. Затем огненная река должна истечь в Ад и сжечь духа Зла. (В славянской мифологии также встречается образ огненной реки, разделяющей мир мертвых и мир живых.) Иначе говоря, огонь для одних становится законом жизни, для других — законом смерти, а для вселенной — судом над мировым Злом.

В индийских преданиях огонь — признак божественной мощи. Индра владеет громовой стрелой (молния — ваджра), Вишну — обладает испепеляющим взглядом и появляется среди ритуального огня как предвестник рождения героя Рамы — своего воплощения и владельца неотвратимой огненной стрелы Агниастра. Кришна (аватара все того же мироздателя Вишну) в прославляющих гимнах сравнивается с лавиной жара, яростью огня, свет его лика способен испепелить Вселенную («Бхагаватгита»). Сам прародитель богов, людей и животных Брахма создал одного из самых могущественных богов Рудру (Шиву) пламенной вспышкой, возникшей из его гнева на сыновей-бездельников.

В Махабхарате встречаются фантазмагорические сюжеты, пронизанные огненными сюжетами:

«Боги решили сбивать воду в океане и добыть священную жидкость амриту при помощи великой горы Мандары, опорой которой стал царь черепах, который поддерживал мир. Царя змей Васуки использовали в качестве веревки, вращающей Мандару. За один конец царя змей взяли асуры, а боги ухватились за хвост. Из Васуки вырывались ветры вместе с дымом и пламенем, дым превращался в облака, пронизанные молниями, а из вершины горы выбрасывались ливни цветов, покрывая гирляндами со всех сторон богов и демонов. Водяные обитатели, раздавленные великой горой, находили свою гибель в соленой воде».

С вращающейся Мандары падали деревья, огонь возник от их трения и окутал Мандару как синее облако, пронизанное молниями. Он сжег слонов, львов и других существ, оказавшихся там. Затем Индра погасил сжигающий огонь водой, рожденной из облаков. После этого в воды океана потекли разнородные выделения из могучих деревьев, а также множество соков трав. Именно от питья тех соков, наделенных бессмертной силой, а также от истечения золота боги достигли бессмертия. Вода океана превратилась в молоко, затем смешалась с соками и из молока и соков сгустилась маслянистая сома (отождествляемая с луной), а вслед за ней появляются новые мифические персонажи, последний из которых — Данвантари — держит в руках чашу с амритой^{xiii}.

Не менее впечатляющую картину рисует Махабхарата в сюжете битвы богов против Гаруды — владыки птиц, «дивного видом, наделенного величием, мощью и силою, одаренного скоростью мысли и ветра, напоминающего вершину горы, нависший как проклятие брахмана, неистового и пылающего, напоминающего Агни, дробящего вершины гор, осушающего воду рек, страшного разрушителя трех миров, подобного богу смерти».

«И вот для богов стали показываться знамения, предвещавшие страшное. Любимый перун Индры засверкал, полный смятения. Метеоры с пламенем и дымом падали днем, низвергаясь с неба. И оружие всех Басу, Рудров, Адитьев, Садхьев и Марутов, а также других племен богов, стало направляться друг против друга. Подобного (явления) не наблюдалось прежде даже в битве между богами и асурами. Дули ветры в сопровождении ударов грома, падали метеоры со всех сторон. И небо, хотя и безоблачное, грохотало великим грохотом. И даже тот, кто был богом богов, дождил тогда кровью. Поблекли цветочные гирлянды богов и величие их (самих) пришло в упадок. Зловещие и страшные тучи дождили обильною кровью. И пыль, поднимаемая (ветром), окутывала короны богов»^{xiv}.

Подняв ветром от своих крыльев огромное количество пыли и, затмив свет трех миров, Гаруда окутал ею богов, и окутанные пылью боги пришли в замешательство. Гаруда же ударами своих крыльев и клюва терзал богов. Но могучий Ваю рассеял пыль. Когда исчезла тьма, боги ринулись на птицу. Теснимый толпами богов Гаруда стал громко кричать криком, напоминающим гром громадного облака. Когда он взлетел над богами, они вместе с Индрой осыпали его «остроконечными копьями, железными пиками, палицами и дротиками и сверкающими дисками в форме солнца, с острыми как ножи краями». Но, принимая со всех сторон удары, царь пернатых продолжал страшный бой. Теснимые и терзаемые Гарудой боги отступили.

«Изгнав из них всех жизни, лучший из пернатых направился к амрите. И увидел он огонь отовсюду. Ярко сияющий, он со всех сторон покрывал своими лучами небо. Он был страшен и движимый ветром, казалось, собирался сжечь самое солнце. Тогда благородный Гаруда, создав у себя девяносто раз девяносто уст, быстро выпил (множество) рек при помощи тех уст и со страшной быстротою возвратился снова туда. И каратель врагов, имевший вместо колесницы крылья, залил реками пылающий огонь. И, потушив огонь, он принял тогда другой, малый облик, стремясь проникнуть туда, (где находилась амрита).

И та птица, приняв золотой облик, сияющий как сноп солнечных лучей, стремительно проникла туда, (где хранилась амрита), подобно тому как водяной поток (вливается) в океан. И она увидела близ амриты колесо с острыми краями, отточенными как бритва, которое беспрестанно вращалось. То могучее сооружение, грозное и страшное на вид, сияющее огненными лучами, было искусно построено богами для уничтожения похитителей сомы. Увидев в нем промежуток между спицами, птица покружилась с минуту. И, уменьшив свое тело, она мгновенно проникла через (то) пространство между спицами. И там под колесом она увидела двух превосходнейших змей, (приставленных) для охраны амриты, равных по блеску пылающему огню, ужасных на вид, с языками как молнии, с пастью, полыхающей пламенем, наделенных великой силой, постоянно гневных и стремительных. Их горящие глаза содержали яд. Они постоянно горели гневом и никогда не мигали. И достаточно было одной из тех (змей) только посмотреть на кого-нибудь, как тот немедленно превращался в пепел. Супарна быстро засыпал их глаза пылью, и невидимый (для них) он бросился на них со всех сторон. Нападая на них, птица Вайнатя рассекла их тела и стремительно бросилась тогда в середину (хранилища) к соме»^{xv}.

Тождественность сомы – напитка бессмертия – и огня (в Ведах сома-агни) обусловлена, по мысли Юнга, параллельностью сюжетов их появления. Сомы – питательный и зажигающий напиток, который взбалтывается индийскими богами подобно процессу высверливания огня с помощью деревянной дощечки и палочки. Этим обусловлено соединение сущностей сомы и огня в Агни.

Мирча Элиаде отмечает, что в индийских мифах популярен сюжет о том, что «Великая Богиня родилась от огненной энергии всех богов. Когда чудовищный демон Махиша угрожал Вселенной и самому существованию богов, Брахма и весь пантеон богов искали помощи у Вишну и Шивы. Разрываясь от гнева, все боги выплеснули свою энергию в виде огня, пламенем вырвавшуюся из их ртов. Пламя от всех богов,

объединившись, породило огненную тучу, которая в конце концов приняла форму Богини с восемнадцатью руками: и именно этой богине, богине Шакти, удалось уничтожить монстра Махишу, а следовательно, спасти мир»^{xvi}.

Мы видим, насколько тесно связаны мифологические представления о творении мира (или действующего миропорядка) с огнем. Космический бог Праджапати также создает мир, «накалив» себя при помощи аскетизма. В «Бхагаватгите» Кришна проявляет свою истинную сущность как огонь – с пылающими устами и испускающим непереносимый свет. И подобных сюжетов в мифологии не счесть.

Вместе с тем, огонь, например в буддизме, есть последнее развоплощение в процессе умирания и растворения в космосе – плоть возвращается в землю, земля поглощается водой, вода – огнем. Но развоплощение – предвестник нового воплощения. Будда «сгорает» от тепла, практикуя аскетизм, созидательный как в духовной, так и в космической сферах. Поэтому в буддийской иконографии Будду принято изображать с нимбом пламени за головой.

Мифология дает нам пример не только зарождения и возрождения мира в огне. В Эддах древних викингов огонь сжигает мир во время сражения богов с хтоническими чудовищами, вырывающимися на свободу в конце времен. Самое страшное из них – Фенрис-Волк распахивает пасть от земли до неба и бежит, изрыгая из глаз и ноздрей огонь. С юга тоже наступает огонь с мифическими людьми огня, а в финале картины гибели богов Сурт, огненный человек найдет на землю огонь, испепеляющий все.

У славян огонь и вода, напротив, всегда связаны с чудом рождения жизни. Славянский мифический остров Буян отмечен тем, что на нем лежит огненный камень Алтарь, а вокруг цветет вечная весна – символ жизни и возрождения. Русалки у славян – тоже воплощение огня. Их образные описания всегда связаны с горением и сиянием, а существование – с водой. Именно поэтому их слезы могут воскрешать мертвых или оживлять души умерших. То же свойство придается молоку кобылицы, которую считали рожденной от соединения росы и лучей солнца. Венок, считавшийся символом солнца и огня, в славянских ритуалах погружался в воду в знак обновления, начала новой жизни.

А.Ф.Лосев пишет о связи воды и земли (материи) с огнем в античной картине мира. Вода есть модификация огня, «когда он зацветает более или менее твердыми оформлениями, отказываясь от беспокойства своих исканий»^{xvii}. Материя – противоположность огню, и в то же время – явленное и ставшее тело электричества, иное электричества, воплощающего в себе смысл материи^{xviii}.

У ранних иудео-христианских апокалиптиков («Свиллины книги») картина мира также включает огонь в виде пылающей реки «в страну Света и в Жизнь без забот, где проходит бессмертная Тропа великого Бога, и где бьют три Фонтана – Винный, Медовый и Молочный». Здесь огонь связывается с известным мотивом «жирного царства» в простонародной русской сказке, где огненные испытания заканчиваются блаженным (но и убогим) миропорядком.

В ветхозаветных мифах слово входит в сердце пророка словно горящий огонь. В предупреждении грешникам сказано: «За то, что вы говорите такие слова, вот, Я сделаю слова Мои в устах твоих огнем, а этот народ – дровами, и этот огонь пожрет их» (Иеремия, 20:9, 5:11).



В католической традиции имеется сюжет о предшестве рождении св. Доминика сна его матери, в котором чрево ее содержит щенка с факелом в пасти. От факела должен зажечься мир, сам факел трактуется как «сверкающий свет святости».

Православное предание говорит, что незадолго до крушения Константинополя из верхних окон святой Софии вырвались языки пламени и световой столб ушел в поднебесье. Это означало, что Бог оставил Второй Рим, и открывается новая страница истории.

В христианской картине мира огонь связан также с адскими муками грешников и божественной святостью. Картины Ада всегда сопровождаются раскаленным жаром и отброшенными невидимым пламенем тенями, адский огонь всегда расположен где-то внизу (Злые Щели у Данте в «Божественной комедии»). Мучение грешников у христиан связывается именно с ожогом от языка пламени, из которого нельзя выйти (у Данте: «...там движутся огни в гортани рва \ \ И в каждом замкнут грешник утаенный»). На нечестивых Бог изливает с неба горящие угли и пламя.

Характерно происхождение символа «геенны огненной». Геенна - место языческих обрядов близ Иерусалима, где совершались культы, связанные с человеческими жертвоприношениями. В 662 г. до н.э. царь Иудеи Иосия уничтожил жертвенники и превратил это место в свалку отходов и непогребенных трупов, на которой всегда тлел огонь, уничтожая плоть наравне с гниением.

Конец ознакомительного фрагмента

Литература

- ⁱ Юнг К.Г. Символы матери и возрождения». В кн. Между Эдипом и Озирисом. - Львов: «Инициатива»; М.: Изд-во «Совершенство», 1998, с.340.
- ⁱⁱ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М.: «Мысль», 1993, с. 676.
- ⁱⁱⁱ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. В кн. А.Ф.Лосев. Бытие. Имя. Космос. М.: «Мысль», 1993, с. 514.
- ^{iv} Лосев А.Ф. Диалектика мифа. В кн. А.Ф.Лосев. Философия. Мифология. Культура. М.: Издательство политической литературы, 1991, с.88.
- ^v Там же, с. 89.
- ^{vi} Хьюбнер К. Истина Мифа. М.: «Республика», 1996, с. 145.
- ^{vii} Цит. по И.Л.Андреев. Происхождение человека и общества, М.: «Мысль», 1998, с.113.
- ^{viii} Юнг К.Г. О психологии бессознательного. В кн. К.Г.Юнг. Собрание сочинений. Психология бессознательного. - М.: «Канон», 1994, с. 109.
- ^{ix} Юнг К.Г. Перемещенное либидо как возможный источник творчества первобытного человека. В кн. Между Эдипом и Озирисом. - Львов: «Инициатива»; М.: Изд-во «Совершенство», 1998, с.270.
- ^x Там же, с. 271.
- ^{xi} Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. В кн. А.Ф.Лосев. Бытие. Имя. Космос. М.: «Мысль», 1993, с. 291-292.
- ^{xii} Здесь и далее зороастрийская традиция излагается по книге Мэри Бойс. Зороастризм, М., 1987.
- ^{xiii} Махабхарата, М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 1992, с.28-30.
- ^{xiv} Там же, с 94-95.
- ^{xv} Там же, 100-102.
- ^{xvi} Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1996, с. 166.
- ^{xvii} Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. В кн. А.Ф.Лосев. Бытие. Имя. Космос. М.: «Мысль», 1993, с. 294.
- ^{xviii} Там же, с. 293.